

ДРУЖИННЫЙ СТРОЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И У ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ: СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ КЛЯТВА ВЕРНОСТИ ВОЖДЮ (ПРАВИТЕЛЮ)?*

Общепринятым является суждение, что в Древней Руси бояре и вообще свободные люди при вступлении в княжескую дружину должны были приносить присягу верности. Уже сто лет назад В. И. Сергеевич заявлял: «Приказываясь на службу [к князю], бояре и слуги вольные давали клятвенное обещание верности»¹. Хотя специальных исследований как использования клятвы в политической практике Древней Руси, так и порядка поступления на княжескую службу до сих пор не предпринималось, ряд крупных специалистов по древнерусской истории поддержали это мнение, а некоторые из них даже попытались провести прямые аналогии между этой присягой и западноевропейскими вассальными ритуалами².

Однако однозначных и бесспорных данных, которые могли бы подтвердить суждение, высказанное В. И. Сергеевичем столь категорично, в источниках до сих пор найти не удалось. Учёным приходится опираться на некоторые косвенные указания и допускать существование присяги верности как *теоретически вероятное*. Детальный анализ как этих указаний, так и других свидетельств заставляет отказаться от мысли, что принесение клятвы было обязательным условием вступления в дружину или приема на княжескую службу. Клятва проникает в отношения правителя и знати только в достаточно позднее время и вовсе не как элемент вассалитета, а с совершенно иными функциями³. Эти выводы ставят под сомнение правомерность отождествления древнерусских обрядов с вассальными, но открывают новые, в чём-то даже неожиданные, возможности сравнения явлений социальной истории Древней Руси и средневековой Европы. Именно об этом пойдёт речь в нижеследующем тексте.

Одно предварительное замечание касается типологии клятвы. В западной литературе выделяют в Средневековье, по крайней мере с законодательства Карла Великого, два вида присяги в сфере властных отношений: вассальную и присягу подданных (в более позднее время выделяется ещё должностная присяга). Обе устанавливали или скрепляли некоторую иерархию господства и подчинения, но первая имела частноправовую сущность и связывала конкретные личности отношениями в какой-то степени добровольно-договорными, а вторая имела публично-правовой и часто принудительно-отчуждённый характер⁴. Вассальную присягу обычно связывают преимущественно или даже исключительно с системой вассально-ленных отношений, которая сложилась в Западной Европе в Средние века, а присягу подданных в принципе можно понимать широко — как явление географически и исторически более распространённое. Сюзерен получал от вассалов, людей, как правило, известных ему, составлявших его ближайшее окружение (его *fideles*), обещание не просто верности, но более конкретно — активной поддержки советом и помощью (*consilium et auxilium*). Их клятва была только частью ритуала коммемдации (в его классическом виде, как он сложился в Западной Европе), который

* Исследование осуществлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых (грант МК-309.2007.6).

¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. I. С. 378, 387–388.

² Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005 (1-е изд.: Юрьев, 1907). С. 198–199; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 97 и сл., особ. 101–102 (1-е изд. книги: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907; ср. также в более поздней книге: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910, где повторяются те же идеи и ссылки на те же источники (С. 441)); Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 327; Веселовский С. Б. Очерк образования московского боярства // Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 251, 472; Riß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9.–17. Jahrhundert; Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 277.

³ Выводы о клятве и способах выражения дружинниками верности в средневековой Руси, излагаемые далее в сжатой форме, развёрнутое обоснование получили в работе: Стефанович П. С. Князь и знать: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Луккин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: социально-политическая структура. Очерки. М., 2008 (в печати).

⁴ Например, в немецкой юридической школе разделяются *Untertaneneid* (присяга подданных) и *Vassaleneid* или *Lehnseid* (вассальная клятва верности) (Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Berlin, 1964. Bd. 1. S. 861–872).

также включал оммаж и инвеституру. Присягу правителю, напротив, приносили самые широкие круги населения; обязательства давались часто не в положительной форме, а «негативно», т. е. люди обязывались не делать чего-либо (например, не злоумышлять против правителя и его рода), и, наконец, эта присяга (по крайней мере, в европейских христианских государствах) не сопровождалась другими обрядами.

Учёные, признававшие существование на Руси древней традиции присяги верности дружинников князю, исходили из априорного убеждения, что дружинно-служебные отношения, основанные на взаимной верности, должны были укрепляться клятвой. Видимо, в силу привычных представлений о применении клятвы, сформировавшихся в Новое время, а может быть, из-за ориентации на хорошо известные вассальные традиции Западной Европы им трудно было вообразить, что эти отношения могли иметь какие-то другие внешние формы выражения. Между тем обращение к древнейшим источникам убеждает именно в этом последнем. На Руси для выражения верности прибегать к клятве не считали нужным. Эту функцию выполняли определённые *устные формулы*, которые произносились при поступлении свободного человека на службу князю. Таких формул было несколько, смысл их был довольно широкий, и употребляться они могли не только дружинниками и не только при поступлении на княжескую службу. Это не случайно и свидетельствует, на мой взгляд, об архаической свободе и неформализованности дружинных отношений.

Формула, впервые встречающаяся в наших источниках, имеет как раз наиболее общий смысл заключения своего рода союза между князем и боярином. Она упоминается в древнейшей части «Повести временных лет» в рассказе о предательстве Блуда — дружинника киевского князя Ярополка Святославича, который изменил своему князю и перешёл в дружину его брата Владимира, будущего Святого (статья под 6488 (980) г.). Согласно летописи, в решающий момент борьбы братьев за киевский престол Владимир обратился к воеводе своего брата следующим образом: «Володимер же посла к Блуду, воеводе Ярополчу, с лестью, глаголя: поприяи ми, аще убью брата своего, имети ты хочю во отца место, и многу честь возьмешь от мене, не аз бо почал братью бити, но он, аз же того убоаявсья придох на нь. И рече Блуд к послом Володимеримь: аз буду тебе в сердце и в приязньство»⁵. Эти слова боярина и надо рассматривать как выражение его готовности служить князю. Они не имели формально-юридического содержания и обозначали, как показывает сравнение с подобными выражениями в древнерусских источниках (с использованием образа сердца и понятия «приязнь»), только союзно-дружественные намерения.

Позднее, в XI—XII в., более употребительной стала другая формула, которую отдельные бояре или вся дружина вместе произносили, либо вступая в служебные отношения с тем или иным князем, либо подтверждая свою верность ему в какой-то ответственный момент (например, перед битвой): «можем главы своя сложити за тя»⁶. В этих словах уже значительно более ясно выражена идея верной службы, хотя она снова имеет характер неопределённый (не говорится о сроках службы, условиях и т. д.) и односторонний (имеется в виду только военная служба). Ещё позднее в дружинно-придворной сфере появляются выражения верности с ключевыми словами о готовности «служить животом» князю. Метафора с использованием образа головы как центра жизненной силы сменилась прямым обозначением жизни («живот»), а появление слова «служить» отразило трансформацию договорно-независимого начала в отношениях князя и знати в служебно-зависимое. К XV в. формула «служить животом» вытеснила первоначальную «сложити голову» и стала широко использоваться, в том числе и вместе с присягой (см. ниже в тексте крестоцеловальной записи).

Последнее летописное упоминание формулы, подобной той древней, которую произнёс Блуд, приходится на 1392 г. Это рассказ о присоединении Нижнего Новгорода к Москве, повествующий, в частности, о том, как нижегородские бояре отступились от своего князя Бориса Константиновича и передали город московским боярам, действовавшим при поддержке татар. В этом известии упоминается

⁵ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 76.

⁶ В такой форме, например, в рассказе об убийстве Бориса в «Повести временных лет» (1015 г.): ПСРЛ. Т. I. Стб. 132.

формула верности, но уникальность его в том, что только в нём приводится и формула, обозначающая разрыв отношений между дружинником и князем. Летописец, явно осуждающий предательство бояр, вначале сообщает, что, когда ещё только пришла весть о подходе к городу москвичей с татарами, бояре поддержали своего князя традиционными и всем известными в то время словами: «Княже великыи, главы свои сложим за тя». Однако позже, когда горожане приняли москвичей, бояре тоже перешли на их сторону и обозначили свой уход от князя и разрыв отношений с ним так: «Княже, не надеися на нас, несть есмы с тобою, но на тя есмы»⁷. Именно эти слова находят соответствие в тех, которые произнёс Блуд, поскольку они тоже имеют в виду некий союз или договор общего характера с князем, только теперь мы видим другую сторону того же явления: вместо заключения союза — его разрыв.

В этом летописном известии упоминается также, что ещё когда-то до описываемых событий бояре укрепили свою верность князю Борису крестным целованием, т. е. формальной клятвой. Соответствует ли действительности это упоминание, отдельный вопрос, который здесь не место разбирать, однако надо оговориться, что в принципе договор, скреплённый крестоцелованием, между нижегородским князем и его боярами — вещь вполне вероятная для того времени. Дело в том, что уже с начала XII в. христианская клятва распространилась в политической практике Древней Руси и вплоть до конца XIV в. и даже позже она могла употребляться параллельно с традиционными устными формулами.

Наиболее распространённой формой христианской клятвы в средневековой Руси было крестоцелование. Изначально целованием креста (в редких случаях целованием иконы)⁸ скреплялись соглашения между князем и знатью того или иного города или земли, где князь пытался обосноваться или где он желал закрепить выгодный для себя порядок престолонаследия. Нередко в таких соглашениях участвовали и горожане. До XIV—XV в. соглашения рассматривались скорее как добровольные и равноправные, хотя на деле князь нередко оказывал давление и чаще он принуждал бояр с горожанами к клятве, а не они его.

В XIV—XV в. эта традиция сохраняется в таком виде в Новгороде и Пскове и только sporadически в других русских землях — например, как мы видели, в Нижнем Новгороде. В целом же в княжествах Северо-Востока она переживает глубокую трансформацию. Договорно-равноправные отношения с князьями уходят в прошлое, и крестоцелование рассматривается ими только как инструмент укрепления своей власти и контроля. Явственнее становится принудительно-обязательный и отчуждённый характер приведения к присяге. Первые известия о такой присяге относятся ко второй половине XIV в. Ярким примером может служить сообщение о том, как в 1371 г. московский князь Дмитрий Иванович, узнав, что тверской князь Михаил Александрович пришёл из Орды с ярлыком на владимирское великое княжение, призвал население к присяге. Не желая передавать великое княжение Михаилу и опасаясь войны с ним, Дмитрий «по всем городом бояре и люди превел к целованию не датися князю великому Михаилу, а в землю его на княжение на великое не пустити»⁹. Хотя форма клятвы (крестоцелование) в данном случае традиционна, но вся процедура и её смысл выглядят совсем по-другому: вместо клятвы в кругу известных лиц в подкрепление договора между ними мы видим здесь обязательную присягу правителю, которая взималась его агентами с населения на местах. Это — присяга подданных. Эта клятва бралась не с отдельных представителей знати, а либо со всей её массы, либо с максимально доступного количества.

Позднее в XVI в. такого рода присяга стала важным инструментом укрепления власти московских князей. Правила и порядок её принесения письменно зафиксированы не были, но фактически она бралась при вступлении нового монарха на престол, а также вообще при разных случаях — перед войной и т. п.

Традиционные формулы отношений верности могли употребляться и вместе с крестным целованием, однако с XV в. большее значение придавалось уже именно религиозной санкции, а эти

---

⁷ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. 1. Стб. 162—163.

⁸ Крестоцелование стало к XV в. практически единственной формой клятвы, терпимой Церковью (но и то при определённых ограничениях). Подробнее см.: Стефанович П. С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5.

⁹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 95.

устные «заявления о намерениях» использовались как вспомогательный элемент. Акцент на религиозной санкции явственно отразили так называемые крестоцеловальные записи. Практика их взимания фиксируется с середины XV в., хотя, вероятно, восходит к середине-концу XIV в. Эти записи содержали обязательство отдельных бояр и служилых князей, заподозренных московским великим князем в намерении бежать в Литву, служить в будущем верно и не пытаться никуда бежать.

Из 14 известных записей (последняя датируется 1582 г.) половина сопровождается поручными записями. Эти последние фиксировали поруку крупными суммами нескольких князей, бояр и/или церковных иерархов за того боярина или князя, который целовал крест московскому государю¹⁰. Крестоцеловальная запись оформляется как жалованная грамота: по челобитью боярина (князя) и представлению («печалованию») митрополита и других высших церковных иерархов государь «жалует» «своего слугу» (опального) — прощает ему «вину» (т. е. намерение отъехать в Литву) и «отдает нелюбье». Провинившийся обязывался служить «до живота своего» государю и его детям, не «мыслити» никакого «лиха» против государя, а если услышит, что кто-либо замысливает такое «лихо», — сообщать о таковых злоумышленниках. В конце говорилось, что опальный боярин (князь) «крепости деля» целовал крест и дал «на себя сию свою грамоту за подписью и печатью» митрополита. В поручных записях тоже упоминается о «вине» опального перед государем и об обязательстве его в дальнейшем верно служить. И содержание записей, и их оформление, и тот факт, что крестоцелование сопровождалось порукой, свидетельствуют о принудительно-репрессивном характере этой присяги. Очевидно, это было явление, параллельное становлению присяги подданных, только одно охватывало многих, а другое имело «точечный характер». Складывание обычая укреплять верность представителей знати крестным целованием и порукой, вероятно, стояло в связи со специфическими обстоятельствами борьбы Москвы и Литвы за объединение русских земель, когда верность выходцев из земель, оказавшихся между Московским и Великим Литовским княжествами, приобрела особое значение¹¹. Двор московских князей рос, и с инкорпорацией новых земель в московское княжество его структура усложнялась. Приведение к крестному целованию служебных князей и бояр, подкреплённое порукой, было средством, которое применялось в целях укрепления центральной власти и обеспечения стабильности внутри элиты. Оно имело не «договорное» происхождение, а навязывалось государственной властью тем, кто по каким-то причинам оказался в её глазах не заслуживающим доверия. По своей сути крестоцеловальные записи были частью политической культуры формирующегося московского самодержавия.

Таким образом, клятва в отношении князя и служилой знати проникала постепенно и вне какой-либо связи с явлениями, которые можно было бы сближать с западноевропейскими вассалитетом и ленами. Первоначально, в XII—XIII в., клятва (преимущественно, если не исключительно) использовалась при заключении договоров между князем и представителями земли, во главе которых часто стояло боярство. Позднее, к концу XIV в., клятву князя стали применять в одностороннем «добровольно-принудительном» порядке не столько для подкрепления их договора с населением, сколько для подтверждения обязательств последнего перед ними. Параллельно возникает практика, также отражающая усиление самодержавных тенденций, приводить к присяге отдельных представителей знати, заподозренных в измене. Устные формулы более древнего происхождения, во всяком случае, в личных отношениях князей и бояр они упоминаются уже в конце X в. Только тогда, когда начинают преобладать «присяга подданных» и крестоцеловальные записи, эти формулы отходят на второй план и становятся лишь дополнением к клятве верности в собственном смысле слова.

Те учёные, которые искали параллели западноевропейским вассальным ритуалам на Руси, указывали на крестоцеловальные записи как на отражение существования клятвы верности вассального

¹⁰ СГГД. М., 1813. Т. I. № 103/104, 146, 149, 152/153, 157, 159, 162, 165/166, 172, 175/176/177, 182/184, 189/190/191, 196/197/198, 201. В митрополичьем формулярнике сохранился также извод (образец) крестоцеловальной записи, датируемый 1448—1471 г.: Русский феодальный архив. М., 1986. Ч. 1. № 46. С. 175—176. Ср. комментарий издателей: Там же. М., 1992. Ч. 5. С. 989—991.

¹¹ На это обращал внимание Х. Рюсс: *Rüß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels.* S. 270.

типа, которую якобы давали в Древней Руси при вступлении в княжескую дружину¹². Такому взгляду противоречит несколько обстоятельств: 1) записи брались только с отдельных представителей знати, 2) половина записей сопровождается поручными записями, 3) вся процедура имела вид не вассального договора, а прощения и милости, жалования. Присяга здесь имела принудительно-репрессивный характер. Как присяга подданных и крестоцеловальные записи, так и клятвы, скрепляющие коллективный договор, или тем более словесные формулы — всё это, очевидно, отличные от вассалитета явления. Не было оммажа и инвеституры — необходимых элементов ритуала вассального договора.

Однако в каких-то моментах древнерусская и западноевропейские традиции обеспечения верности зависимых или подчинённых людей имеют аналогии. Например, присяга подданных обнаруживает на Руси и в Западной Европе целый ряд общих черт: негативные формулировки самого общего смысла, репрессивный и отчужденный характер процедуры приведения к присяге и др. Конечно, эти сходства бросаются в глаза и легко объясняются: речь идёт о вполне естественных и доступных практически любому правителю средневековой Европы механизмах укрепления его власти. На мой взгляд, более интересной представляется другая параллель, которую находят древнерусские устные формулы.

В классическом исследовании вассального ритуала Жак Ле Гофф обращает внимание на особенное положение клятвы (*foi*), а именно на её второстепенность в целостном обряде вступления в вассальную зависимость. Он говорит о «по-настоящему не христианизированном» характере вассального ритуала, в котором «христианство даёт лишь обрамление, аксессуар — какой бы важности они ни были, — но не материал, не символику»¹³. Первоначальным и самым важным он считает обряды оммажа и *exfestucatio* — разрыва отношений, в которых видит древние германские корни (установление или разрыв родственных отношений). Христианский элемент, т. е. клятва (которая обычно представляла собой возложение рук либо прикосновение к мощам или Библии (Евангелию)), вторичен и не имеет принципиального значения.

Между тем на Руси религиозная санкция в виде крестоцелования также вторична в сфере отношений князя и служащей ему знати. Она начинает играть важную роль только в «присяге подданных» и крестоцеловальных записях. Первоначальными же были устные формулы.

Я думаю, что вторичность (или даже отсутствие) религиозной санкции (клятвы в собственном смысле слова) в ритуалах, оформлявших личные служебно-договорные отношения на Руси и в Западной Европе, не случайна. Объяснить её можно тем, что она «накладывалась» в относительно позднее время на уже существующие традиции такого рода ритуалов древнего происхождения. На Руси это более очевидно в силу сохранения архаичных черт до позднего Средневековья; в Западной Европе — не так очевидно, потому что во тьме теряются корни вассалитета и неясно, какие институты ему предшествовали.

Я не буду углубляться в вопрос о происхождении вассалитета. Замечу только, что давняя тенденция связывать его с дружинным строем германцев в настоящее время уже оставлена. Эта тенденция была свойственна особенно немецкой историографии, которая подчёркивала континуитет специфической германской верности. Историки XIX — первой половины XX в. считали, что существовал определённый институт древнегерманской дружины (*Gefolgschaft*), общий для всех древних германских племен и народов. Как дружина, так и вассалитет крепились именно этой германской верностью, и обязательным элементом и того, и другого была клятва верности соответственно дружинников или вассалов¹⁴. Для меня важно в данном случае, что концептуальный пересмотр общих воззрений об идеале верности, дружине и её отношении с вассалитетом должен привести и к пересмотру

---

¹² См., например: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. С. 101–102.

¹³ «La société de l'Occident medieval était une société chrétienne, et il est normal que la marque de l'idéologie dominante se retrouve dans le rituel d'une de ses institutions fondamentales» (J. Le Goff. Le rituel symbolique de la vassalité // J. Le Goff. Pour un autre Moyen Age: Temps, travail et culture en Occident: 18 essais. Paris, 1977. P. 411–413). Ср.: Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 257.

¹⁴ Подробнее см.: Стефанович П. С. Германская дружина и попытки сравнения её со славянской дружиной: историографический обзор // *Rossica antiqua*. СПб., 2006. Вып. 1. С. 204–228.

вопроса о клятве верности у германцев. С одной стороны, мы видим, что с точки зрения логики и символики вассального ритуала клятва в вассалитете имела второстепенное значение (только как «аксессуар», по выражению Ле Гоффа). С другой стороны, современные исследования показывают, что те свидетельства, которые раньше интерпретировались как отражение некоей древней германской традиции верности, и в частности клятвы верности, на самом деле далеко не столь однозначны и скорее должны интерпретироваться совсем иначе. Приведу только два самых ярких примера.

Классическое описание германской дружины Тацитом содержит одно упоминание слова *sacramentum*, обозначающего клятву. В некоторых старых работах на это место ссылались как на доказательство традиции присягать на верность вождю¹⁵, однако в настоящее время уже общепризнано, что такого рода ссылки неправомерны. Это латинское слово было очень многозначно, и в данном случае контекст упоминания не позволяет говорить именно о клятве. В этом месте Тацит описывает отношение дружинников к вождю: «Но если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестие и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, — первейшая их обязанность (*illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriae eius assignare praecipuum sacramentum est*): вожди сражаются ради победы, дружинники — за своего вождя»¹⁶. В данном контексте *sacramentum* обозначало явно нечто другое, чем только и именно «клятва», и неслучайно в русском переводе ему соответствует более общее выражение «первейшая их обязанность»¹⁷.

В раннесредневековых источниках, касающихся германских королевств, часто упоминаются клятвы верности, но это были клятвы, которые скрепляли договоры между правителями (*amicitiae*), или присяги, которые короли требовали с населения (особенно только что подчинённого) по разным поводам. Только однажды упоминается клятва, которую надо было приносить именно при поступлении на службу королю. В этом случае речь идёт о военном объединении эпохи Меровингов *antrustio*, члены которого несли военную и полицейскую службу (прежде всего как личные охранники короля), были защищены тройным вергельдом и приносили королю присягу, обозначенную в королевском постановлении середины VII в. словами *trustem et fidelitatem*¹⁸. Эта присяга приносилась с оружием, и военно-дружинный характер самого объединения позволял историкам старой школы предполагать древнее происхождение и присяги (хотя ссылка в тексте на «*Deo proptio*» указывает, что по форме это была уже христианская клятва)¹⁹. Однако в новейших исследованиях франкскую традицию военной присяги, в том числе и клятву *antrustiones*, связывают скорее с влиянием военного права римлян, а выраженную в ней идею верности — с влиянием христианских идей²⁰. В новейшей работе однозначно утверждается, что корни франкского

¹⁵ См., например: *Schlesinger W.* Herrschaft und Gegaltschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte // *Schlesinger W.* Beiträge zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters. 1963. Bd. I: Germanen, Franken, Deutsche, Göttingen. S. 18.

¹⁶ Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М., 2001. С. 465.

¹⁷ См. замечания к этому месту в немецком переводе Рудольфа Муха: *Much R.* Die Germania des Tacitus, 3. Auflage unter Mitarbeit von H. Jankuhn / Hrsg. von W. Lange. 1967. S. 231. Его перевод: «heilige Verpflichtung». Ср. в переводе Герхарда Перля: «ihre vornehmlichste Verpflichtung»: *Tacitus. Germania* / Hrsg. von G. Perl. Berlin, 1990. S. 94–95.

¹⁸ В тексте постановления (сохранившегося в составе сборника «формул Маркульфа») о членах *antrustio* говорится, что они «обещают нерушимую верность» королю (*fidem pollicentur inlesam*), а затем уточняется, что желающий войти в это объединение должен покаяться, «придя в наш (т. е. короля. — П. С.) дворец, со своим оружием у нашей руки в преданности и верности» (*veniens ibi in palatio nostro una cum arma sua in manu nostra trustem et fidelitatem*): *Formulae Merovingici et Karolini Aevi* / edidit K. Zeumer. Hannoverae, 1886 (*Monumenta Germaniae historica, Legum Sectio V. Formulae*). № 18. P. 55. Об *antrustio* см.: *Olberg von G.* Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges barbarorum. Berlin; New-York, 1991. S. 124–134. Само слово *antrustio* является латинизированной формой, родственной древнему германскому слову *druht*, которое обозначало военное объединение дружинного типа и было, видимо, одного происхождения со славянским «дружина» (см.: *Green D.* *H. Language and History in the Early Germanic World.* Cambridge, 1998. P. 108–112).

¹⁹ См., например: *Kienast W.* Die fränkische Vassalität: von den Hausmeiern bis zu Ludwig dem Kind und Karl dem Einfältigen / Hrsg. von P. Herde. Frankfurt-am-Main, 1990. S. 11–24, 51–73.

²⁰ *Becher M.* Eid und Herrschaft: Untersuchungen zum Herrscherethos Karls des Grossen. Sigmaringen, 1993. S. 101–111; *Bachrach B. S.* *Early Carolingian Warfare. Prelude to Empire.* Philadelphia, 2001. P. 68–71.

«обычая принесения клятвы верности не в дружинном строе германцев, а в римской армии поздней античности» (в которой, как известно, служило уже немало германцев)²¹.

Немецкие историки, пытавшиеся восстановить одну всеобщую модель германской дружины, для подтверждения дружинной клятвы часто ссылались на скандинавские источники²². Однако древнейшие из этих источников (рунические надписи или скальдическая поэзия) данных о дружинной клятве не дают, а те упоминания, которые есть, во-первых, сами по себе далеко не бесспорны и, во-вторых, позднего происхождения. С одной стороны, в этих упоминаниях не всегда можно отличить присягу человека, вступающего в дружину (на службу) конунга, от клятвы, скрепляющей договор о мире и взаимопомощи между знатными людьми или знатным человеком и конунгом. С другой стороны, что ещё важнее, они происходят или из законодательных памятников, самые ранние из которых датируются концом XIII в., или из исландских саг, которые записывались значительно позднее описываемых событий (не ранее XIII в.). К этому времени в скандинавских странах уже было очень значительно влияние континентальной вассально-рыцарской культуры. Указание на клятву верности может быть ретроспективным осмыслением давних событий писателем или рассказчиком, который такую клятву расценивал как явление обычное, не принимая в расчёт, что она стала обычаем лишь относительно недавно, будучи заимствована с континента как один из элементов системы вассалитета. Два древних скандинавских устава специально посвящены вопросам организации княжеской дружины. Более древний из них — датский *Vederlov*, который в сохранившемся виде был записан в 80-е годы XII в., но в своей основе восходит к началу XI в., о клятве дружинников вообще не упоминает²³. Более поздняя (конец XIII в.) норвежская *Hirdskra* упоминает клятву дважды: во-первых, как присягу всего населения королю (ст. 1, 4—5) и, во-вторых, вместе с оммажем как часть ритуала вступления в вассальную зависимость по континентальному образцу (ст. 26)²⁴. В обоих случаях это клятвы однозначно христианские. Нередко вступление знатного человека в дружину конунга обозначается стереотипным выражением *ganga til handa (a hönd)*, которое можно буквально перевести как «идти в руку». Не совсем ясно, какое содержание имел этот обряд, но в любом случае он явно не подразумевал никакой клятвы в собственном смысле слова²⁵.

Обращает на себя внимание также следующее обстоятельство. В исландских сагах прямых или косвенных указаний на клятвы, которые те или иные люди дают конунгам, вступая с ними в союз или поступая к ним на службу, совсем немного, а во многих случаях при описании вступления вольного человека на службу конунгу передаются лишь их речи и взаимные обещания, но никаких ритуалов или клятв не упоминается²⁶. Чаще всего в уста героев исландских саг вкладывается обещание с обязательством не расставаться с конунгом до смерти²⁷. Эти данные находят параллель в Римской истории Аммиана Марцелина. Согласно его рассказу, в 361 г. варвары (кельты и германцы) в войске будущего императора Юлиана присягали ему в верности, обязуясь «переносить за него всякие беды до последнего издыхания,

---

²¹ Esders S. Treueidleistung und Rechtsveränderung im früheren Mittelalter // Rechtsveränderung im politischen und sozialen Kontext mittelalterlicher Rechtsvielfalt / Hrsg. S. Esders, Ch. Reinle. Münster, 2005. S. 28, 59.

²² См., например: Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte, 2. Auflage. Leipzig, 1906. Bd. 1. S. 190.

²³ См. текст в издании: Den Danske Rigslovgivning indtil 1400. Udgivet ved E. Kroman. København, 1971.

²⁴ Hirdskråen: hirdloven til Norges konge og hans håndgangne menn, etter AM 322 fol, ved Steinar Imsen. Oslo, 2000. S. 64, 70, 120—122.

²⁵ Hamre L. Handganga, in *Kulturhistorisk Leksikon for nordisk middelalder fra vikingtid til reformasjonstid*. 6. Oslo, 1961. Col. 190ff.

²⁶ Например, в «Саге об Олаве святом» в некоторых случаях о клятве упоминается (хотя никак не уточняется, в какой форме она совершалась), а в других сообщается только об обещании дружинника не покидать конунга до самой смерти (*Снорри Стурлусон*. Круг земной. М., 1980. Гл. 85, 127, 138, 170, 186, 208). В то же время в «Саге об Эгиле», возможно записанной тоже Снорри Стурлусоном, тогда, когда упоминается приём в дружину норвежских конунгов, о клятве верности вообще не говорится (*Исландские саги* / Под ред. О. А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. I. Гл. 6, 8). Показательно, что ни о каких ритуалах вступления в дружину и тем более клятве верности не упоминается в «Саге о йомсвикингах».

²⁷ См., например, несколько раз в «Саге об Олаве святом», особенно в главах 186 и 208. В последнем случае слова скальда Тормода о верности Олаву, переданные рассказчиком (Снорри Стурлусоном), сопровождаются цитатой висы, где скальд сообщает о своём решении остаться с Олавом. В отличие от прозаического рассказа, стихотворное произведение может рассматриваться как источник древний и аутентичный (потому что стихотворная форма была слабо подвержена изменениям со временем), и характерно, что в данном случае этот источник даёт соответствие более позднему тексту.

если того потребует необходимость»²⁸. Мне неизвестны специальные исследования, обобщающие данные о такого рода обещаниях верности в Средневековье, и трудно сказать, насколько они были разнообразны. Однако очевидно, что общий их смысл совпадал с наиболее употребительным на Руси утверждением дружинника о готовности «сложить голову» за князя.

Таким образом, мне кажется, на современном уровне знаний можно утверждать, что у германцев не было обычая обязательной клятвы при вступлении на службу вождю или правителю. Во всяком случае, это утверждение можно подкрепить древнерусскими аналогиями. В Древней Руси принято было ограничиваться только устными обещаниями и формулами при вступлении в служебные отношения. Это, кстати, вполне соответствует идее, которая развивается в современных работах, что древние дружинные отношения были основаны на взаимности и материальной выгоде, а не на идеальных представлениях. Такие идеалы, как верность, пришли позднее, под влиянием христианства. Устные формулы и отсутствие формальной клятвы верности — это то общее архаическое наследство, которое по-разному было «переработано» в процессе становления властных и общественных форм в разных культурно-исторических условиях. Вполне естественно, что именно на «окраинах» Европы, в регионах, которые Кароль Модзелевский недавно окрестил «варварской Европой», т. е. в тех, которые не испытали античного влияния и позднее были христианизированы, архаические традиции сохраняются дольше²⁹. Учитывая эти традиции, можно во многом прояснить истоки институтов и обычаев «феодальной Европы», смазанные ранним синтезом варварства и античности.

---

²⁸ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. С. 220 (перевод 1906–1908 г. Ю. Кулаковского при участии А. Сонни). Латинский текст см.: Ammiani Marcellini rerum gestarum etc. / Hrsg. W. Seyfart. Leipzig, 1978 (XXI. 5. 9–10).

²⁹ Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004.